

М. Р. Арпентьева
(Российская Федерация)

Маленькие люди в российской литературе

Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества.

Ф.М. Достоевский

В его текстах исповедь подобна пощёчинам, а пощёчины – исповеди.

П. Толстогузов (о Ф.М. Достоевском)

Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами... В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. У его обитателей стремление одно – как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода.

И. Ильф и Е. Петров, Золотой теленок

Нету у меня ни к кому ненависти – вот моя «точная идеология». М.М. Зощенко

*Но дружбы нет и той меж нами;
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех – нулями,
А единицами – себя;
Мы все глядим в Наполеоны
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно.*

А. С. Пушкин, Евгений Онегин

Обоснование актуальности проблемы. Тема маленького человека – сквозная тема исследования писателей и ученых XIX- XX веков. Великолепие человеческого аристократизма, героизма, личностной свободы и зрелости и т.д. ушло на второй план: новым героем XX века стал человек маленький. «Энциклопедия» жизни маленького человека начата А.С. Пушкиным, Ф.М. Достоевским,

Н.В.Гоголем, М.Е. Салтыковым-Щедриным, А.П. Чеховым, М.М. Зошенко, М. Горьким, Л. Андреевым, Ф. Сологубом, А. Аверченко, К.Трениным, И. Шмелевым, С. Юшкевичем. и другими известными писателями. В этой энциклопедии много черт, среди которых одна из важнейших внутренняя и внешняя отчужденность, расщепленность, нереализованность. Главными тематическими чертами этого образа выступают чаще всего: 1) низкое, бедственное, подчиненное социальное положение; 2) страдание, происходящее не от своего злого умысла или вины, а от слабости и ошибок; 3) в разной мере выраженная ущербность личности, вплоть до убожества и неразвитости или, напротив, очень высокого развития; 4) острота жизненных переживаний; 5) наконец, осознание себя именно «маленьким человеком» и стремление утвердить свое право на жизнь именно в таком качестве, но часто с мечтой лишь об облегчении жизни (своей и других); 6) обращение к Богу как единственному источнику справедливости и равенства: только перед Богом равны все. Для маленького человека свойственен обычно весь этот комплекс признаков, описание лишь некоторых из списка недостаточно для темы «маленького человека». Однако, и наличие этих признаков не делает маленьких людей в разных произведениях и у разных авторов одинаковыми: образ каждого из них раскрывает разные грани проблемы.

Формулировка цели статьи (определение задач). Цель статьи – анализ образов маленького человека в российской литературе.

Обзор исследований и выделение нерешённых частей рассматриваемой проблемы. Понятие «маленький человек» появилось в мировой литературе гораздо раньше, чем данный тип героя. Вначале им обозначали людей третьего сословия, которое стало интересовать писателей в связи с демократизацией литературы.

Маленький человек – это человек, у которого ценностные ориентиры пошатнулись либо отсутствуют. Он стал предметом исследований многих писателей России и мира XIX- XX столетии: к ним относятся зарубежные ужасы Ф.Кафки, и театр абсурда, и образы участников массового уничтожения людей, и художественная концепция человека -монстра, существа чудовищного (Смирнов 1993). Появление маленького человека связано с культурой мещанства, «буржуа», застрявшего в промежутке между абсолютной нищетой духа и тела бывших рабов и крепостных и аристократизмом «больших людей»: «Из-за бурно развивающегося капиталистического рынка человек превращается в придаток работы, стремится к получению выгоды в кратчайшие сроки. Появился культ денег, исчезли лояльность, солидарность, осмысленное отношение к делу, возникло ощущение ненужности, бесполезности, невозможность выработать самооценку благодаря приобщенности к чему-то важному и значимому для общества. Человек неожиданно оказался в ситуации крайней нестабильности: потеря чувства семьи, дома привела к росту изоляции, утрате доверия, ценностных привязанностей, ослаблению взаимодействия частной и общественной жизни» (Бушканец 2010: 165).

Однако, нестабильность эта появилась раньше: она вышла на поверхность в момент перехода от феодально-рабовладельческого к капиталистическому сообществу, и, потому, с особой яркостью, силой и масштабностью, феномен маленького человека стали фокусом внимания культур и исследователей культур с максимальными асимметриями отношений: Россия и колонии «третьего мира» стали основными «рынками сбыта» этого товара. В России лишь в конце периода существования древнерусской литературы в неё «допускается» простой человек, не герой, не святой, не правитель. Когда с запада пришел классицизм, начало строится сильное государство, возник интерес к гражданину, человек интересовал как гражданин, полезный стране. Но с приходом, также из западной литературы, в русскую литературу сентиментализма, писатели стали изучать персональные потребности и переживания самых разных людей / социальных слоев и групп. В XIX веке жизнь «маленького человека» стала сквозной темой.

В итоге современная российская литература о маленьком человеке не имеет равных по своей реалистичности, полноте и многоуровневости осмысления. Понятие «маленький человек» как человек простой ввел В.Г. Белинский (Белинский 1901; Белинский 1982). С развитием психологизма оно дополнилось и обрело сложные черты, став наиболее популярным персонажем демократических произведений второй половины XIX века.

Первым писателем, который открыл России мир «маленьких людей» стал Н.М. Карамзин, в том числе, в своем описании «бедности» этого человека: он положил начало огромному циклу произведений о «маленьких людях», сделал первый шаг в исследовании этой неизвестной до этого темы, открыв дорогу таким писателям будущего, как Н. Гоголь, Ф. Достоевский и другие (Карамзин 1964). Социальное неравенство героев и естественная сложность человеческой души становятся препятствием для счастья «маленького человека». Судьба его разворачивается на фоне исполненной драматизма истории России и философских размышлениях автора о неидиллическом прошлом человечества: история человечества вся построена на драматических коллизиях, и раньше люди не были счастливее, чем теперь, большая история складывалась из маленьких бед обычных людей. За ним А.С. Пушкин стал следующим исследователем, в сферу творчества которого вошла вся огромная Россия: она отрывалась не только и не столько как история Москвы и Петербурга, как история дворцов, но и через деревни, через бедняцкие дома. Впервые пронзительно и наглядно представлены деформации жизни и личности человека, искажение личности враждебной нравственности и достоинству, препятствующие развитию и ценящие только порождающие социальное неравенство власть социальной средой (Пушкин 2008). Впервые оказалось возможным изобразить противоречивое поведение человека, но и бесчеловечность существующих в обществе отношений. Примером стали «Повести покойного И.П. Белкина», героем которых стал маленький бедный человек, его положение в обществе, его желания, стремления, социальные противоречия, в которые он втянут, нравственное достоинство и

простое человеческое счастье (Пушкин 2008). Судьба «маленького человека» показана без сентиментальности и преувеличений: как результат определённых исторических условий, несправедливости общественных отношений, передан типический социальный конфликт, обобщение действительности представлено в индивидуальной трагедии рядового человека, душа которого важнее, чем статус. Бессмысленное смирение унижает человека, разрушает жизнь бессмысленной, вытравливает из души достоинство, независимость, превращая человека в добровольного раба, в покорную ударам судьбы жертву. Однако, значимость «маленького человека» состояла не в обличении рабства и забитости маленьких людей, а в открытии в них наличия сострадательной и чуткой души, наделенной даром отклика на чужое несчастье и чужую боль. Т.о., А.С. Пушкин сформулировал оппозиции в образе «маленького человека» и его противостояние с «большими людьми»: «маленький человек» – большая душа, «большой человек» – мелкая «душонка».

Н.В. Гоголь – один из ведущих исследователей жизни маленького человека: человека не знающего и не стремящегося вырасти и понять себя и мир такими, какими они являются, а не кажутся. Вся жизнь маленького человека протекает в выдуманном, фиктивном, ирреальном мире Н.В. Гоголь создал столько многообразные и столь многоплановые и яркие примеры такой жизни, что его творчество само по себе можно назвать энциклопедией жизни таких людей, энциклопедией фикций. Эта «энциклопедичность» проявляется во многих его работах, включая знаменитый, «школьный» перечень. Как и народные сказки, отражающие фикции как модели непродуктивного и неэффективного бытия, «побасенки»-поэмы Н.В. Гоголя раскрывают перед школьниками и школярами перспективы реальной и фиктивной жизни, помогая определиться с выбором и предостерегая от многих выборов, ведущих к омертвлению души. Особенно ярко они приведены в поэме «Мертвые души», Петербургских рассказах (Гоголь 2012). Эта поэма – множественная трагедия – трагедия «страха перед жизнью» – отражение трагедии российского общества того времени и нашего времени – времен и мест потери ценностей, себя – человеком: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете? ... в этих проникающих словах звенели другие слова: “Я брат твой”» (Гоголь 2012). Эта тема стала сквозной и для последователей Н.В. Гоголя: живших во времена, прозорливо предвосхищенные им как времена душевного омертвления.

До произведений Н.В. Гоголя у писателей даже не ставился вопрос о том, кто виноват в унижении и умалении человека, его низведении до животного или бездушного объекта, «горе от ума» – было горем человека, стремящегося жить, верить, любить... горе же человека маленького было совсем иным. И ответ на вопрос о происхождении этого горя был в целом однозначен – «виновата» социальная среда, ею человек был окончательно обезличен и превращен в винтик огромной государственной машины, в лишенного индивидуальности и самостоятельности в понимании, ценностях и поступках «члена общества», не нуждающегося в этом члене как таковом. Но у во времена и в творчестве Н.В. Гоголя произошло

переосмысление: «виноватым», точнее ответственным за свою жизнь оказывается сам человек (Гоголь 2012; Грибоедов 2008). Он сам отвечает за то, то будучи одаренным и способным, будучи любимым и даже имея высокий социальный статус, он сам выбирает фиктивное, бессмысленное, бездарное бытие: он отвечает за то, что он маленький, сам слишком часто и легко забывает о чувстве собственного достоинства, отбрасывает его в погоне за фикциями иного «большого»: еще больших денег, еще большей власти, ещё большего внимания и т.д. Он не только не помнит о человеческом достоинстве и предназначении, но ради выгоды, престижа, порядка и т.д., а то и просто так, на всякий случай, «чтобы его не вышло», готов унижать себя сам. Человек этот в рассказах и повестях, иных «побасенках» Н.В. Гоголя на самом деле просто не ощущает себя человеком, он слишком обленился духовно и нравственно, чтобы любить, заботиться о ком-то, кроме себя и своих фикций, чтобы бороться и побеждать: жизненный путь завершен, еще не начавшись, душа умерла, даже не попытавшись жить... но попыталась умертвить иные души, которые продаются и покупаются – бесцельно. Человек торгует другими людьми, торгует собой, торгует своими фикциями: этот «фикционалистский» обмен заменяет жизнь, защищает от нее.

Дуальность отношения к маленькому человеку типична для всех освященных ему работ: в «Петербургских повестях» и в комедии «Ревизор» Н.В. Гоголь полон внимания к личности того, на которого мало обращают внимание общество и государство: невзрачная, непримечательная внешность, беспросветность и типичность судьбы, опасения и страхи сослуживцев, мучения в семье и на службе, неспособность заметить серости, убогости своей жизни, того, что он не стал или перестал быть человеком (Гоголь 2012). Даже его смерть – незаметна, она и не смерть почти: «скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное...», а его тень стала преследовать мучителей» Маленький человек не может даже по-настоящему умереть – даже его смерть фиктивна и угрожает фикциям его мучителей – других, не менее маленьких людей. Этот «заговор никчемности» хорошо иллюстрирует «Ревизор»: сам того не ведая, его герой, лже-ревизор как человек, претендующий на разрушение фикций, перепугал всех «больших людей» (Гоголь 2012). Говоря о том, чего ему не хватает в настоящей жизни: о богатстве, о власти, о признании, – пройдоха утешается сам и успокаивает других. Пока он лжет, все хорошо, есть надежда на «милость» и сохранность мира иллюзий, мира, более ценного самого по себе, чем те же награбленные деньги, выстраданная предательствами власть и купленные уважение и любовь. Пророческие сценарии Н.В. Гоголя, и более ранние описания Ф.М. Достоевского, возвышают фикции отдельного человека до степени, в которой этот человек готов уничтожить мир, лишь бы сохранить их. Очень редко маленький человек сам реализует свою способность к протесту, бунту. Но к такому бунту «маленького человека» всегда ведет жизненная катастрофа. А исход протеста – непредсказуем: либо полное безумие и смерть самого героя, либо – полное безумие тех, кто его окружает. Маленькие люди в мире

обмана обычно все же тихо и незаметно погибают в неравной борьбе с фикциями окружающей их «действительности». В этом мире чувство собственного достоинства – это безумие: «Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! что они делают со мною!.. Что я сделал им? За что они мучают меня?» (Гоголь 2012). Сама жизнь – «Записки сумасшедшего»: границы разума и безумия, жизни и смерти нарушены: «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!». Мечта, идеал, человечность – то, за то люди расплачиваются – омертвением и пошлостью или страданием и смертью. Человека ценят «по одежке», и провожают – по ней же: ни о каких иных достоинствах, кроме «одежды», люди не задумываются.

Н.В. Гоголь говорит нам об истинной, настоящей любви, милосердии, уважении, терпении, сострадании, о важности их поиска и о том, то каждый из нас выбирает их не из страха перед кем-то или чем-то, а из свободы, любви, уважения к себе и миру. Маленький человек Н.В. Гоголя разный: это – добрый, честный и наивный, печальный неудачник, внешне благополучный и умный, но страдающий, его душа и личность, не были подтверждены обществом, реализованы в нем. Он живет под гнетом невозможности того, что составляет сущность – быть человеком. По мнению Н.В. Гоголя, такие люди делают свою жизнь и жизнь окружающих как минимум пустой и бессмысленной, а порой невыносимой и жестокой по своей собственной воле: они выбирают быть «маленькими» потому, что начинают жить лишь эгоистическими и своими мелкими заботами, угождая только себе и своим желаниям и/или желаниям своей семьи, ради которой, они, как другой персонаж Библии, апостол Иуда, готовы продать и Бога, не говоря о каких-то «мертвых душах». Таким образом, «маленький человек» у Н.В. Гоголя весьма разный: он осмыслен неоднозначно. Он не только и не столько «униженный и оскорбленный», сколько пассивный и агрессивный, настойчивый и ленивый, иногда устрашающий окружающих, часто смешной и вызывающий насмешку (Гоголь 2012).

Важно, что у Н.В. Гоголя есть и такие «маленькие» люди, которые не теряют «человеческого лица» и/или восстанавливают его хотя бы перед смертью и/или в виде «безумия»: если они становятся жертвами судьбы, если они переносят страдания, то ищут выход и не замыкаются в себе, они бунтуют против жизни в качестве «маленького человека» и в бунте ощущают единство с миром, связь прошлого, настоящего и будущего, возможность утешения, исправления, справедливости, истины и любви. При этом у врага «маленького человека» «значительного лица» тоже – свои фикции своя трагедия: в мире лжи, бюрократии, отчуждения он также теряет свое истинное, человеческое и лицо. И для него, как и для «маленького» человека важен не «чин», а сущность человека и его отношений: душа, нравственность, духовность. Диалог маленького и большого человека – диалог о возможности реального в это мире. Апофеоз этого диалога – раскрывает «причудливый парадокс», раскрываемый В. Набоковым в отношении к лже-привидению умершего и якобы мстящего за свои страдания маленького человека: «человек, которого приняли за бесшинельный призрак Акакия Акакиевича (Башмачкина, героя повести «Ши-

нель» – А.М.) – ведь это человек, укравший у него шинель... полицейский, угодив в самый причудливый парадокс ..., принимает за этот призрак как раз ту персону, которая была его антитезой, – человека, укравшего шинель. Таким образом, повесть описывает полный круг – порочный круг, как и все круги...» (Набоков 1996: 18). «Привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебе чего хочется?» – и показало такой кулак, какого и у живых не найдешь», – пишет Н.В. Гоголь, так и не раскрывая тайну и парадокс: «привидение» уходит в темноту, а непонимание разрешается в смехе (в котором страх переж смертью перемешался со страхом перед жизнью, их непониманием, неприятием, фиктивностью). «На этом сверхвысоком уровне искусства литература, конечно, не занимается оплакиванием судьбы обездоленного человека или проклятиями в адрес власть имущих. Она обращена к тем тайным глубинам человеческой души, где проходят тени других миров, как тени безмянных и беззвучных кораблей», – добавляет В. Набоков (Набоков 1996: 18). Обманчиво думать, что можно заставить уважать: культура человеческого – не результат мимолетных утрашений, даже со стороны приведений. Это показывают и переживания героя, вступившего с Н.В. Гоголем в диалог, произведения, Р.Акутагавы

Р. Акутагавой в его «римейке» на рассказ «Шинель» создан иной конец: «Уставясь на лису (аналог привидения у Н. Гоголя – А.М.), лакающую бататовую кашу (аналог желания шинели у А.А. Башмачкина – А.М.), гои с грустью и умилением мысленно оглянулся на себя самого, каким он был до приезда сюда. Это был он, над кем потешались многие самураи. ... Это был он, одинокий человек в выцветшем суйкане и драных хакама, кто уныло, как бездомный пес, слонялся по улице ... И все же это был он, счастливый гои, лелеявший мечту поесть всласть бататовой каши... От сознания, что больше никогда в жизни он не возьмет в рот эту бататовую кашу, на него снизошло успокоение, и он ощутил, как высыхает на нем пот» (Акутагава 2002). Герой Р. Акутагавы сам отказывается от своего желания, поняв, что не оно было его счастьем. Герой Н. Гоголя желание отменить не смог: именно величина этого желания и невозможность от него отказаться погубила героя.

Ф. М. Достоевский, в том числе в своем «Пятикнижии» и иных произведениях дал развернутую палитру образов «маленьких людей». Герои повестей «Бедные люди», «Белые ночи», «Униженные и оскорбленные», романа «Преступление и наказание» – типичные представители данной группы, н примере которых строится целостный образ «маленького человека» (Достоевский 1998). Он видит маленьких людей как «бедных», «униженных и оскорбленных», его задачей было показать, что всякий человек, кто бы он ни был, как бы он низко не стоял, имеет право на сочувствие и сострадание, а также показать истинное величие и величие мнимое, истинное благородство и благородство кажущееся или приписываемое человеком или обществом. Для этого он использует резкие контрасты богатства и бедности, неограниченной власти и произвола аристократии и бюрократии, бесправия и нравственной забитости, а также прозрений и нравственных взлетов служилой

бедноты. Ф. Достоевский описывает судьбу «маленького человека» как социальную трагедию, видя в бесправии и забитости человека его глубокую человечность: обозначает контраст между социальной незащищенностью, малозначимостью и бедностью героев и их многогранным и глубоким внутренним миром (Достоевский 1998). Придавленный горем, нуждой и социальным бесправием, этот человек не знает, что с ним будет и как пережить свои страдания: «Тяжело то, что я в такой неизвестности, что я не имею будущности, что я и предугадывать не могу о том, что со мной станется. Назад и посмотреть страшно. Там всё такое горе, что сердце пополам рвется при одном воспоминании. Век буду я плакаться на злых людей, меня погубивших!» (Достоевский 1998, 1). Ф. Достоевский создает образ бесправного, безмерно униженного и забитого «маленького человека», живущего своей внутренней жизнью в условиях, грубо попирающих достоинство человека. Придавленный горем, нуждой и социальным бесправием человек в произведениях М. Достоевского пытается остаться человеком: как и Н.В. Гоголь, Ф. М. Достоевский обращается к проблемам бесправного, безмерно униженного и забитого «маленького человека», живущего своей внутренней жизнью в условиях, грубо попирающих достоинство человека. Впервые «маленький человек» заговорил: заговорил о том, что является основой его жизни, о чести и уважении, которых часто достичь извне, в социальных отношениях невозможно: «бедный человек хуже ветошки и никакого ни от кого уважения получить не может, что уж там не пиши... у бедного человека, по-ихнему, всё наизнанку должно быть; что уж у него ничего не должно быть заветного, там амбиции какой-нибудь ни-ни-ни!... И много есть честных людей, маточка, которые хоть немного зарабатывают по мере и полезности труда своего, но никому не кланяются...», – протест против несправедливости безнадежен, и даже скрыть свой стыд за себя, он часто не может, как и не может преодолеть зависимость от мнения со стороны других (Достоевский 1998, 1). Это мнение ему часто дороже собственного, поэтому и возникает трагедия «раскольничества», насильственной и преступной попытки стать иным, но не в нравственном, сущностном, а социальном, формальном плане. Другие люди - герои Ф. Достоевского – люди огромной душевной чистоты и доброты, готовые отдать ради друг друга почти все, они способны на искренние переживания и сопереживания, они рассудительны и рефлексивны: это – лучшие качества «маленького человека» по Ф.М. Достоевскому (Достоевский 1998, 1, 4, 6). Они размышляют об общественной жизни, ее несправедливости, о человеческих отношениях, основанных на социальном и экономическом неравенстве. Они также не только осознают, но и отстаивают себя: свое достоинство человека, затаенную гордость маленького, незаметного, но честного труженика, которую один из героев называет «амбицией». «Служу безукоризненно, поведение трезвого, в беспорядках никогда не замечен. Как гражданин считает себя как имеющего свои недостатки, но вместе с тем и добродетелем.», амбиция моя мне дороже всего... в своем смысле, в благородном-то, в дворянском-то отношении точно так же, как и он по мере сил тружусь, чем могу, дескать» (Достоевский 1998, 1). Однако, он сознает

и то, как «убивают» его долги и «худое положение» и как он «горел», «в адском огне горел», «умирал», когда его вызывали к самому «его превосходительству», чтобы дать нагоняй за какую-то мелочь (там же). Но поскольку он обладает способностью осознавать себя, постольку он может и сохранять себя, у него есть способность к «погружению в себя самого», к психологическому самоанализу, к рефлексии и к соответствующим обобщениям, противостоящим привычке с самоуничижению: «Он, бедный – то человек, он взыскателен, – он и на свет-то божий иначе смотрит... да вокруг-то себя смущенным взором поводит, да прислушивается к каждому слову, – дескать не про него ли там говорят? Что вот дескать что же он такой незаметный? «... Даже в лучшую минуту жизни... он не может не страдать... Мне в прочем, покойно, очень покойно. Только душу ломит, и слышно там в глубине душа моя дрожит, трепещет, шевелится» (там же).

Достоинство «маленького человека», кроется и в стремлении и способности защитить ближнего, жажда помочь беззащитному человеку, «горемыке сердечному», избавив его от страданий нищеты, от посягательств на его честь и т.д.. Больше, чем от сознания собственной уязвимости и социальной ничтожности, он страдает от невозможности помочь другому, любимому человеку или другому, еще одному бедняку, соседу, прохожему, что делает его великим «маленьким человеком» (там же).

Как отмечают исследователи, «А.С. Пушкин обнажил проблему маленького человека, Н.В. Гоголь в «Шинели» продемонстрировал драму его жизни, а Ф.М. Достоевский в «Бедных людях» и других произведениях возвысил драму до трагедии. “Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: “Ведь это тоже люди, ваши братья!” (Белинский 1982, 8: 131), за “поразительную истину в изображении действительности” (Белинский 1982, 8: 594). «И Н. Гоголь и Ф. Достоевский изображают действительные обстоятельства; но Н. Гоголь – поэт по преимуществу социальный; а Ф. Достоевский – по преимуществу психологический. Для одного индивидуум важен как представитель известного общества или известного круга; для другого самое общество интересно по его влиянию на личность индивидуума», – писал В.Н. Майков (Майков 1982: 90; Майков 1985). М.М. Бахтин писал, что мире маленьких людей, созданном Н.В. Гоголем Ф.М. Достоевский «произвел «коперниковский переворот», сделав предметом изображения не действительность героя, а его самосознание как действительность второго порядка», маленький человек стал философом, рассуждающим о законах жизни, об обществе как «Новом ковчеге» (Бахтин 2015: 82). Когда человека преследует не просто бедность, а нищета, при которой человек буквально гибнет от невозможности удовлетворить физические нужды, но и не может рассчитывать на удовлетворение нужды социальных и духовных, он теряет человеческий облик и чувство собственного достоинства, входит в мир нравственных мучений, которые уродуют человеческую психику и жизнь. Живя в трущобах, похожих на **«Новый ковчег», они видит**

множественные судьбы самых разных людей, превратившихся в ничто только потому, что они не имеют возможности отстаивать свое достоинство и права в мире социального неравенства. Н. Добролюбов писал об этом так: «В произведениях Ф.М. Достоевского мы находим одну общую черту, более или менее заметную во всем, что он писал: это боль о человеке, который признает себя не в силах или, наконец, даже не вправе быть человеком, самим по себе» (Добролюбов 1911; 1957). Это говорит и один из героев: «Милостивый государь, – бедность не порок, это истина. Но... нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто... ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя.» Человек не только просто физически гибнет от нищеты, но сознает, что духовно опустошается, начиная презирать самого себя, не видя вокруг и внутри ничего, за что было бы возможно зацепиться, чтобы удержаться от распада: «ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти» – последняя ступень отчаяния отверженного миром и собой, обезчеловеченного человека, который уже может только мечтать о том, чтобы быть человеком среди людей, в том числе, в попытках реализации идеи о «необыкновенных личностях», которым «все позволено» (Достоевский 1998, 5, 6). Осознание своего права на личность и на признание в нем таковой окружающими («что и я не хуже других... что сердцем и мыслями я человек») – основная сущность страданий и жизни маленького человека. Смерть человека наступает, когда «Вся репутация потеряна, весь человек пропал» (Достоевский 1998, 1).

Новаторство Ф.М. Достоевского в отображении «маленького человека» связывают с тем, что сквозь все «Пятникнижие» и другие произведения, мир этот пронизан «двойниками», продолжающими темы и линии друг друга. Этот мир и человек в нем не изолирован от общения с людьми: мир «маленького человека» от одной ситуации к другой, от одного человека и сюжета к другому, от одной книги и группы книг к другой, все уплотняется и разрастается. Маленький человек не только вызывает сочувствие и призывает к сочувствию, но и оказывает деятельную помощь ближнему. Мечты героя не ограничиваются удобствами быта и социального признания: он мечтает о любви, карьере и творческом успехе. Более того, «маленькие люди» – личности в полном смысле слова, и их личностное чувство намного больше, чем у людей с положением в обществе. «Маленький человек» более раним, для него страшно то, что другие могут не увидеть в нем богатую духовно личность, а также то что он сам может отказаться от себя. Таким образом, худшие, с точки зрения общества, последние люди оказываются духовно лучшими людьми общества. Ф.М. Достоевский впервые так правдиво и подробно показал духовную жизнь обездоленных людей, так полно и убедительно раскрыта красота, культура чувств «маленьких людей».

Он выступил против бесконечных социальных, физических и нравственных унижений «маленького человека», он отвергает преступный путь, выбранный таким его героем как Р. Раскольников: он пытается протестовать, но протест его

уничтожает человеческое, лишает человека его человеческой сути, если внутренние противоречия разрешены неправильно, человек погибает. Поэтому острое любого протеста «маленького человека», который находится под гнетом безжалостных людей, падает на него самого: без нравственной трансформации общества, включая сообщество «на дне жизни» решить проблему невозможно. «Чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его. Закон правды и человеческая природа взяли свое. Преступник сам решает принять муки, чтобы искупить свое дело...», – писал Ф.М. Достоевский издателю (Достоевский 1996: 274). Среди мук, страданий и горестей, постоянного кошмара унижений и преступлений против человечности, «маленький человек», обладающий чистой душой, безмерной добротой, но «униженный и оскорбленный», он велик в нравственном плане, он может отстаивать себя и свои права, не теряя человеческого достоинства. Но может и пойти неправильным путем: «... все люди как-то разделяются на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступать закона. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески переступать закон... я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно должны и обязаны были творить всегда всякие бесчинства... Я просто-напросто намекнул, что «необыкновенный» человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасательной, может быть, для всего человечества) того требует... я не хочу дожидаться всеобщего счастья. Я и сам хочу жить...», «не переменятся люди, и не переделать их никому, и труда не стоит тратить!» «Сломать что надо, раз и навсегда да и только: и страдание взять на себя!» «...вошь ли я, как все, или человек? Тварь ли я дрожащая или право имею?» (Достоевский 1998, 5). Однако, этот человек внутренне не завершён: «Пока человек жив, он живет тем, что еще не завершено и еще не сказал своего последнего слова». Он против завершённости и попыток его завершить даже в литературе: «Прячешься иногда, прячешься, скрываешься в том, чем не взял, боишься нос подчас показать – куда бы там ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что из всего, что ни есть на свете, из всего тебе пасквиль сработают, и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит, все напечатано, прочитано, осмеяно, пересужено!» (Достоевский 1998, 1). Сколько ни суди и не осмеивай, победа остается за жизнью.

«Многие герои Ф. Достоевского, совершившие выбор, победившие в себе растерянность и рассыпанность, попадают под неограниченную власть совершенного ими выбора. Идея, к которой они свободно и вольно пришли, которую приняли они осознанным хотением, вдруг начинает развиваться в себе какие-то динамические вихри, какую-то силу, которой противостоять нельзя. Свободный человек становится рабом им выбранной идеи. Он как бы одержим ею. Она владеет им абсолютно и отъединяет его не только от лица фактов, от реальной жизни, но

и от мира других людей» (Кузьмина-Караваева 1929: 56-57). В итоге – понятный финал: «Я просто убил, для себя убил, для себя одного... вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу... Тварь ли я дрожащая или право имею... Я себя убил», -прозрение, которое объединяет «убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги» (Достоевский 1998, 5). «Вечный спор Ангела и Демона происходит в нашей собственной совести, и ужаснее всего то, что мы иногда не знаем, кого из них больше любим, кому больше желаем победы. Не только наслаждениями привлекает Демон, а еще и соблазном своей правоты: мы сомневаемся, не есть ли он непонятая часть, непризнанная сторона истины. Слабое, гордое сердце не может не откликнуться на возмущение, непокорность и свободу Люцифера...», -писал Д. С. Мережковский (Мережковский 2012: 52). Оно и рождает «мученика, еще не нашедшего Бога, за которого бы умереть» (там же). Существует большое сходство, по мнению Ф. Достоевского, даже близость между индивидуалистическим «нигилизмом» Р. Раскольникова и циническим аморализмом А. Свидригайлова: «Если «экономическая» мораль ... способна привести к теории ... о «праве» на преступление, то теория Р. Раскольникова в своем дальнейшем логическом развитии ведет к свидригайловщине, к потере различия между добром и злом, к полнейшему нравственному разложению личности», утверждает Ф. Достоевский. (Фридлендер 1979: 62). Выбор демона означает, как писал В. В. Шкловский, смерть как «освобождение от запретов нравственности, данное злодею, не знающему ничего, кроме своих желаний, и приходящему к смерти» (Шкловский 1983: 490-491); ему вторит Г.М. Фридлендер: «Провозглашаемое Р. Раскольниковым отрицание нравственных норм, нравственной ответственности личности логически приводит не только к оправданию «идейного» преступления ..., но и к оправданию распушенности и нравственной опустошенности А. Свидригайлова, которые даже у него самого вызывают внутреннее омерзение» (Фридлендер 1979: 62). Идеи Р. Раскольникова «о сильной личности, о различии между «обыкновенными» и необыкновенными людьми намечают круг идей, характерный для всей позднейшей воинствующей, сознательно и открыто реакционной, антидемократической идеологии господствующих классов эпохи империализма. В этих идеях не только нет ничего революционного, но, напротив, они глубоко политически реакционны ... Несмотря на свою одаренность, Р. Раскольников – человек духовно потерявшийся, блуждающий в глубоких потемках того анархического мировоззрения... вывернутая наизнанку буржуазность» (Фридлендер 1979: 62-63). Итоги этого движения отражены Ф. Достоевским позже, в его опыте записок из «Мертвого дома», каторг и тюрем, куда он сам по воле судьбы попал, оказавшись среди убийц, разбойников, грабителей, среди крестьян, ставших жертвами помещичье- чиновничьего произвола: «время, в которое был похоронен живой и закрыт в гробу. Это было страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякий час, всякая минута тяготела как камень у меня на душе», – писал он о каторге (Достоевский, 1998, 3). При этом тогда, когда человек движется к «ангелу», даже и если совершил свое преступле-

ние, он помогает выбраться и возродиться и тем, кто не решился: от прозорливого и мстительного и «невежливо язвительного» «У меня, мол, не вышло, а ты осмелился, – вот и получай» к пониманию трагедии и смысла «эксперимента» Р. Раскольникова. Следовательно, побуждающий героя к признанию, не имеет, в отличие от Р. Раскольникова фамилии: «Фамилия героя... свидетельствует о том, что в сознании автора страстная любовь Р. Раскольникова к людям, доходящее до полного безразличия к своим интересам участие к ним и фанатизм в отстаивании своей „идеи» в определенной мере ассоциировались с расколом, ... теоретический фанатизм героя романа автор сближал с религиозным фанатизмом раскольников» – пишет Г. М. Фридендер (Фридендер 1979: 87). Однако, герой движется дальше и движет дальше судьбы тех, с кем он пересекается. В итоге герои находят новую жизнь и себя: «Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. Они положили ждать и терпеть... а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья! Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она – она ведь и жила только одною его жизнью!» (Достоевский, 1998, 6).

Вместе с тем, «мысль героев... не стремится к закруглённому и завершённому системно-монологическому целому. Она напряжённо живёт на границах с чужою мыслью, с чужим сознанием. Она по-особому событийна и неотделима от человека» (Бахтин 2015: 9). Предшественниками такой полифонии были работы У. Шекспира и О. де Бальзака. «Не только герои спорят у Достоевского, отдельные элементы сюжетного развёртывания как бы находятся во взаимном противоречии: факты по-разному разгадываются, психология героев оказывается самопротиворечивой; эта форма является результатом сущности», – отмечает Шкловский. (Шкловский 1957: 223). Маленький человек проходит, благодаря провидению Бога, через «лабиринт сцеплений»: каждый поворот событий, каждая встреча в романе при их тотальной фактичности и правдоподобию имеют еще и мистический оттенок и последствие: «случайности» определяют поступки героев, «приговаривая» их к преступлению, а потом ведут к покаянию и новой жизни или смерти. При этом «... тема и приемы «двойничества» помогают реализовать как творческий метод художника, так и синтез философского и социального начал в жанре его романа», – отмечают исследователи. Двойничество в работах Ф. Достоевского родило две линии развития темы: изображение раздвоенных, мучимых совестью героев и драматизации философского дуализма героев путем введения реальной фигуры персонажа-двойника, внутренне и внешне, нравственно и идеологически контрастного главному герою. «Бедные люди», а позже «Двойник» дали русской литературе нового героя, резко отличного от «маленького человека» традиции, заданной Н. Гоголем. Сознательно наслаивая в своих первых произведениях ассоциации с Н. Гоголем и его героями, Ф. Достоевский тем самым подчеркивал, в каком контексте происходит их самоопределение. Поэтому бедные чиновники не стали единственным типом «маленьких людей»: писатель создал других героев – более независимых, более

активных в философском диалоге эпохи, «мечтателей», романтиков, возникших на воле «романтического разочарования» и связанных с проблематикой «лишних людей», слишком слабых, чтобы на что-то решиться как внешне, так и внутренне, не способных защитить иллюзии, которые они создают. Мечтатель постоянно строит вокруг себя искусственный микромир, отгороженное от страшной повседневности маленькое царство прекрасной иллюзии, но каждый раз утопия терпит крах, реальность разбивает мечту и рассеивает иллюзии. Не возникает даже «двоемирия»: есть лишь один мир, беспощадный к красоте и человеку и человек, «взыскующий Града», нового города, «где все будут «как бы братья с братьями»». Однако, тема двойничества включает диалог романтических идеологов и эстетизирующих злодеев: и те, и другие оторваны от реальности жизни. М.М. Бахтин писал о полифигионизме героев Ф. Достоевского: «особая одаренность Ф. Достоевского – слышать и понимать все голоса сразу и одновременно, равную которой можно найти лишь у Данте» (Бахтин 2015: 9). При этом «Миры героев, планы романа, несмотря на их различный иерархический акцент, в самом построении романа лежат рядом в плоскости сосуществования (как и миры Данте) и взаимодействия (чего нет в формальной полифонии Данте), а не друг за другом, как этапы становления. Но это не значит, конечно, что в мире Ф. Достоевского господствует дурная логическая безысходность, недодуманность и дурная субъективная противоречивость. Нет, мир ... по-своему так же закончен и закруглён.... Но тщетно искать в нём системно-монологическую... завершённую... потому, что она не входила в его замыслы» (там же). Поэтому «Там, где видели одну мысль, он умел найти и нащупать две мысли, раздвоение; там, где видели одно качество, он вскрывал в нём наличность и другого, противоположного качества. Все, что казалось простым, в его мире стало сложным и многосоставным», пишет М.М. Бахтин, – «В каждом голосе он умел слышать два спорящих голоса, в каждом выражении – надлом и готовность тотчас же перейти в другое, противоположное выражение... Но все эти противоречия и раздвоенности не становились диалектическими, не приводились в движение по временному пути, по становящемуся ряду, но развёртывались в одной плоскости как рядом стоящие или противостоящие, как согласные, но не сливающиеся или как безысходно противоречивые, как вечная гармония неслиянных голосов или как их неумолчный и безысходный спор» (там же). В итоге, создаваемое им «было замкнуто в этом мгновении раскрывшегося многообразия и оставалось в нём, организуя и оформляя это многообразие в разрезе данного мгновения» (там же). Осмысляя персонажи Ф. Достоевского, предвосхитившие человеческую реальность ряда произведений XX века, включая произведения М.М. Зощенко, Ю. Кристева упоминает «треснувшие я», «расщепленные субъекты», носители «разорванного сознания» (Кристева 1994). Это – живые, изменяющиеся на наших глазах люди.

В произведениях А.П. Чехова вопрос о том, кто виноват в унижении и умалении человека, его низведении до животного или бездушного объекта поставлен особенно откровенно и отчетливо, как и ответ на него: ответственно во

многим социальная среда, ею человек был окончательно обезличен и превращен в винтик огромной государственной машины, в лишенного индивидуальности и самостоятельности в понимании, ценностях и поступках «члена общества», не нуждающегося в этом члене как таковом. Но у А.П. Чехова человек сам отвечает том, что он маленький, сам слишком часто и легко забывает о чувстве собственного достоинства. Он не только не помнит о человеческом достоинстве и предназначении, но ради выгоды, престижа, порядка и т.д., а то и просто так, на всякий случай, «чтобы его не вышло», готов унижать себя сам. Человек этот в рассказах и повестях, драматургии А.П. Чехова явно не ощущает себя человеком, он слишком обленился, чтобы любить, верить и побеждать: жизненный путь его завершен, еще не начавшись: «Сколько хлопот, однако!» – всего лишь воспоминание о жизни, к которой не хочется возвращаться, чтобы не потревожить себя. Это просто – «смерть чиновника», человек же умер давно, так и не реализовав знаменитый императив А.П. Чехова «По капле выдавить из себя раба». Жизнь «маленького человека», с оскудевшей душой, жизни, искалеченная общественными условиями, растроченная человеком абсолютно бессмысленно для самого себя и даже во зло другим, – это жизнь «не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне», – это не жизнь, а ожидание смерти, это самодовольная пошлость, не способная умереть, потому что умирать – некому. Такая жизнь – косность и «футлярные» рамки, маскирующие стремление остановить «не вполне дозволенную» кем-то жизнь, окутать все паутиной мещанства (отчуждения, невежества и потребительства). Вместе с тем, смерть выступает как фарсовый вариант человеческой жизни, прекращение функционирования чиновника открывает, возможно, дорогу для человека, который может наконец-то стать счастливым. Другая трактовка смерти – с обретением футляра-гроба – также вполне устраивает «маленького человека»: тело и эго обрели свой футляр, душа наконец – освободилась. Счастливы – все. Кроме тех, кто пока не может умереть, вынужденный потреблять, изолироваться и закрываться от жизни в обывательских шаблонах псевдобытия. Третий вариант – наиболее оптимистичный, это вариант жизни человека, который «надорвался»: и из пылкого, деятельного работника человек превращается в больного, внутренне сломанного неудачника и/или человека постигает страдание отвержения, предательства и неблагодарности, и/или ему просто неоткуда взять «вежества», волей судьбы он брошен в мир жестокости, невежества и бессмысленности, не имея достаточных сил противостоять им. У него есть шанс – вырасти: набраться вежества, сохранить или восстановить любовь и гармоничность отношений с миром больших и малых целей и идеалов. Но большинство маленьких людей этого лишены.

А.П. Чехов также уделяет много внимания личности того, которого почти игнорируют общество и государство: в виду его низкого социального положения и т.д. Этот человек живет в рассказах и повестях писателя, через него А.П. Чехов напоминает читателям об истинной любви, милосердии, уважении, терпении, сострадании. Маленький человек А.П. Чехова также «энциклопедичен», он – раз-

ный: смешной или – печальный неудачник, который умирает от переживаний, нечаянно сделав по сути ничтожную оплошность, или он – внешне благополучный и умный, но страдающий от какого-то сильного стресса, переживания. Его способности, его душа, не были реализованы и оценены. Он живет под гнетом невозможности того, что составляет сущность его таланта быть человеком: «И он злился и винил себя, хотя и не понимал, в чем именно заключается вина его... «Ах, да нельзя же насильно полюбить! – убеждал он себя и в то же время думал: – Когда же я полюблю не насильно? Ведь мне уже под 30!.. О, собачья старость! Старость в 30 лет!». Он чувствовал, что «... ускользнула от него часть его молодости и что минуты, которые он так бесплодно пережил, уже более не повторятся... Ему хотелось найти причину своей странной холодности. Что она лежала не вне, а в нем самом, для него было ясно. Искренно сознался он перед собой, что это не рассудочная холодность, которою так часто хвастают умные люди, не холодность себялюбивого глупца, а просто бессилие души, неспособность воспринимать глубоко красоту, ранняя старость, приобретенная путем воспитания, беспорядочной борьбы из-за куска хлеба, номерной бессемейной жизни» (Чехов 1988, VI: с. 78, 79, 80). Поэтому часто он предстает в виде «футлярной личности», человека, который умер как душа, который еще будучи живым телесно, умер душевно, остался лишь никому не нужный футляр. Человек потерял живую связь с собой, с людьми, с Богом и жизнью в целом, попытавшись ограничить ее и себя маленькими, частными стремлениями и забыв о самом важном. Один из примеров героев этого типа у А.П. Чехова даже носит имя, направляющее нас к Книге Ионы: «Ионыч», живя в провинциальном городе, рядом с такими же как он «маленькими» людьми и сих маленькими мечтами, все более замыкается в себе, расстаётся с иллюзиями юности /души, становясь циничным человеком и отказываясь от выполнения своего долга перед собой и людьми, перестав обращать внимания на страдания людей. По мнению А.П. Чехова, такие люди делают свою жизнь и жизнь окружающих как минимум скучной и неинтересной, а порой невыносимой и жестокой по своей собственной воле: они выбирают быть «маленькими» потому, что начинают жить лишь эгоистическими и своими мелкими заботами, угождая только себе и своим желаниям и/или желаниям своей семьи, ради которой, они, как другой персонаж Библии, апостол Иуда, готовы продать и Бога.

Как отмечал Г. Чулков, характеризуя творчество А. П. Чехова, унаследовавшего тему маленького человека и подход к ней у Н.В. Гоголя: «Мы вышли из мира определенностей, точных слов и незыблемых понятий, мы ужаснулись призрачности реального и, взволнованные, стали на распутье, прислушиваясь к таинственному шороху чьих-то огромных крыльев...», хаос еще царит на земле, познать его ужас в музыке таинственных диссонансов – «вот необходимая ступень, которую пройти должны люди ... страшные колебания, глухую тревогу и бессмысленный топот жизни. Стучат костяшками скелеты. Рождаются крики из тьмы... Текут ненужные слезы. Пошлость перерождает себя» (Чулков, 1904: 267–268). Таким образом,

«маленький человек» у А.П. Чехова весьма разный: он осмыслен неоднозначно. Он не только и не столько «униженный и оскорбленный», сколько пассивный и агрессивный, настойчивый и ленивый, иногда утраивающий окружающих, а иногда смешной. Важно, что у А.П. Чехова и такие «маленькие» люди, которые не теряют «человеческого лица», души: если они становятся жертвами судьбы, если они переносят страдания, то вступают с миром в конфликт, в схватке нравственно чистых, светлых личностей с темным миром обывателей, их жадностью, пошлостью, цинизмом развивается способность человека быть собой, строить отношения с другими людьми и реализовывать свое предназначение: выходили из «маленьких людей» и разночинцы-демократы / революционеры и просто – люди, восстановившие гармонию с миром, нашедшие свой путь – служения. Важно сознавать это – наличие «подводного течения» не только в драматургии («серой жизни на сцене»), но и иных произведениях писателя: за внешне бытовыми эпизодами и деталями, за иронией и т.д. всегда есть присутствие непрерывного внутреннего интимно-лирического потока, потока жизни, придающего даже самым печальным историям писателя жизненную силу, вдохновляющую читателей к переменам, к счастью, к любви, к истине (Немирович-Данченко 1919: 10): «Особенно тянется к А.П.Чехову обойденный прежним писателем огромный в массе, мелкий и невидный в отдельности, хмурый обыватель, испытывающий не вполне объяснимую тоску и не могущий сам найти для нее соответственного оправдания. Он, конечно, этот читатель, любит героизм, в особенности изображение героизма. Он преклоняется перед демоном, перед его вызовами миру, перед огромной силой его протестующего духа... Свою расщепленность между существованием действительным и призрачным, свою тоску по тому, чтобы действительное стало призрачным, а воображаемое и смутное – реальным, свою неудовлетворенность и свое право на нее, как и свое право на соединение с сильными и героическими порывами к небу, усыпанному алмазами, – зритель видел в чеховских пьесах, читатель воспринимал в чеховских рассказах» (Игнатов, 1914: 67)

М.М. Зощенко – один из ведущих исследователей жизни маленького человека в начале XX века: человека, не знающего и не стремящегося вырасти и понять себя и мир такими, какими они являются, а не кажутся. М.М. Зощенко описал настолько яркие и цельные портреты таких людей, его творчество настолько обогатило литературу о нем, что гарантировало не только сиюминутный и мгновенный успех работ М.М. Зощенко при жизни, но и долгую славу и многочисленные исследования творческого гения, почитателей этого гения, на века вперед. М.М. Зощенко практически еще и не начат – по-настоящему читаться (Зощенко, 1929-1932). Эти образы рассеяны, почти затеряны: в разных героях его рассказов спрятались не просто «маленькие», а намного меньше, чем маленькие люди. Оттого их не сразу можно увидеть, даже в суеде описанных М.М. Зощенко бытовых проблем и ситуаций, знакомых каждому обывателю, каждому «маленькому человеку». Для того, чтобы представить себе портрет этого «меньше маленького человека», нужно

свести всего рассказы-новеллы в единое целое. Это не вполне трагедийный образ, как и у А.П. Чехова: трагедия велика. «Меньшемаленький человек» чужд трагедии. Трагедия – «страха перед жизнью», описанная А.П. Чеховым, связана с потерей опор внешнего бытия. У М.Зощенко сводит и незнание, недоступность этих опор и самореализации: дверь к ним закрыта системой воспитания и обучения, всеми общественными отношениями.

«Меньшемаленький человек» у М.М. Зощенко потерял опору и в себе самом: его уже практически нет. И, как кажется, писать – не о чем. Именно с этим связан кризис современной отечественной литературы и киноиндустрии: не о чем писать. Лоскутное, комиксообразное, проданное и перепроданное, переделанное на римейки, понимание происходящего уже пониманием не является. Как ранее, у А.П.Чехова, у М.М. Зощенко человек сам отвечает том, что он маленький, сам слишком часто и легко забывает о чувстве собственного достоинства. Он не только не помнит о человеческом достоинстве и предназначении, но ради выгоды, престижа, порядка и т.д., а то и просто так, на всякий случай, «чтобы его не вышло», готов унижать себя и, главное, других, саму жизнь, – сам. Человек этот в рассказах М.М. Зощенко явно не ощущает себя человеком, ему не хочется тревожить себя (сейчас говорят «грузиться»). Обычно это городской мещанин послереволюционного времени, мелкий служащий. Его часто комические по своей форме, содержательно мелкие и ограниченные житейские интересы обывателя, создают образ наивного и простодушного – «монстрика», который обладает до времени скрытым в смешном разрушительным потенциалом: готовностью и способностью даже убить (за собственность), придушить, унижить, оскорбить, а – иногда – и любить, и страдать – «по-своему». Вот это – «по своему» – «меньше маленького» и интересует писателя.

Человек в «меньшемаленьком» состоянии, как следует из образа, еще даже не родился, и тем, более, не способен даже осознать, а не только реализовать задачу А.П. Чехова: «По капле выдавить из себя раба». Жизнь «маленького человека», с никогда не бывшей богатой душой, жизнь, сформированная искалеченной и уменьшенной общественными условиями, проводимая бессмысленно для самого себя и даже во зло другим, -это жизнь где нет смерти: «если вы не живете, то вам и не умирать», – как точно подметил А. Аронов. Этот человек получает удовольствие, видя низость другого человека, он стремится казаться не тем, кто он есть на самом деле и потому не может строить отношения с другими («нету (даже – А.М.) тети»), который рвет отношения из-за кухонных мелочей, постоянно жалуясь на нервы, расшатанные «гражданской войной» с соседями, родственниками, супругами, детьми и родителями, домашними питомцами и т.д. Они не стали еще людьми – не родились и потому не способны видеть себя мир: жертвы душевной глухоты (нерожденности), взаимного неуважения, невежества и пустой жизни, мещанства. Иногда они хотят родиться: обрести человеческое достоинство, но будучи готовыми самоуничтожаться и унижать близких рабами, не способны к этому. Все, что могут – изображать, пытаться обмануть других, а заодно и себя.

Однако, у М.М. Зощенко а маленький человек несколько иной, чем у В. Райха, хотя «лирическая линия» попыток пробуждения «маленького человека» также актуальна: социальное бытие маньшесмаленьких людей превалирует над индивидуальным. Его судьба – «судьба винтика» в общей машине, ничто- в сопоставлении с инструкциями или законами. Да и он сам – ничто. Этот – «ничтожный», «меньшесмаленький» мир вводит нас в системы, использованные в концлагерях XX века: однако, там личности стирались, если они были, здесь – личности просто не возникали. Существовало выученное преклонение перед должностными лицами, подобострастие и заискивание перед начальством и иными важными «персонами», неверие в бескорыстие и привязанность ближнего и т. д., вера в собственную вину – там, где ты подчиненный, и собственную правоту – там, где ты начальник. «Меньшесмаленький человек» профессионал в своей страдании, и страдает он ответственно и с любовью: ненависть к страданию, которая даст ему возможность выйти из паутины, ему недоступна. Он живет в том, что А. Блок назвал «необъятной, серой паучихой скуки» (Блок, 1962, 5: 67).

М.М. Зощенко пытался высмеять это страдание в своей «оптимистической сатире», чтобы помочь «маленьким людям» научиться уважать и ценить себя и мир, чтобы и они сами и окружающие увидели в них не «маленьких», а «больших» людей. Однако, он понимал, что отнимает этим самым у людей их работу, занятие, в котором они были специалистами. А безработица и тунеядство, в XX веке в России, как известно, не одобрялись. Вместе с тем, «меньшесмаленький человек» не считал себя вполне таковым: М.М. Зощенко представил советского человека как индивида, не получившего нормального образования и не стремящегося к образованию, не имеющего стремления и навыков духовной работы, не обладающего сколь-нибудь значительным культурным багажом, но стремящегося стать полноправным участником жизни, сравняться с «остальным человечеством» и даже продемонстрировать способность к рефлексии – пониманию себя и мира. По меткому замечанию А. Старкова: »Именно они, «маленькие» люди, составляющие большинство страны, с энтузиазмом отнесшиеся к поставленной перед ними задаче разрушения плохого старого, но не умеющие приступить к строительству хорошего нового либо понимающие это строительство в первую голову как удовлетворение собственных ущемленных до революции потребностей, – именно эти, ничем особым не выделяющиеся люди и стали предметом преимущественного внимания М. Зощенко» (Старков, 1990, с.25).

М.М. Зощенко, как и А.П. Чехов и Н.В. Гоголь, фиксируется на внутренних ресурсах, личности и душе того, на которого в более ранней, «героической традиции» в литературе писатели и поэты, а в повседневности – общество и государство подчас старательно не замечали: в виду «неинтересности» и т.д. Он не относился высокомерно к этим людям, но он их жалел и «почти» был одним из них: у него не было ненависти ни к кому. Этот человек живет в рассказах и повестях писателя, через него М.М. Зощенко напоминает читателям об истинной

любви, милосердия, уважении, терпении, сострадании. Разделяя и пропагандируя концепцию деятельного добра, М. Зоценко много времени и места уделяет также в процессе поиска выхода из ситуации «нерожденности» иным характерам, в роли конкретных персонажей, активно действующих и борющихся, создавая таким образом идеальные модели для стремящихся родиться «меньшемаленьких людей». И только тогда его «правобразы,» претендующие на право «хозяев жизни», его заметили как оппонента, пытающегося якобы «глумиться над советским бытом», под «маской пустопорожной развлекательности и никчемной юмористики».

Маленький человек М.М. Зоценко разный: По мнению М.М. Зоценко, такие люди делают свою жизнь и жизнь окружающих невыносимой и пустой по своей собственной воле, невежеству и отсутствию любви: они выбирают быть «маленькими» потому, что начинают жить лишь эгоистическими и своими мелкими заботами, угождая только себе и своим желаниям, ради которых, они, как другой персонаж Библии, апостол Иуда, готовы продать и Бога. Таким образом, «маленький человек» у М.М. Зоценко также, как и у его предшественников, осмыслен неоднозначно. Он не только и не столько «униженный и оскорбленный», сколько пассивный и агрессивный, настойчивый и ленивый, иногда устрашающий окружающих, но очень часто смешной. Важно, что у М.М. Зоценко есть не только «меньшемаленькие» люди, но и люди «среднего роста», вступающие в схватку нравственно зрелых и чистых, светлых личностей с темным миром обывателей и «канцеляризов», с их жадностью, пошлостью, цинизмом и равнодушием и отчуждением. Так развивается способность человека быть собой, строить отношения с другими людьми и реализовывать свое предназначение. М.М. Зоценко не призывал «бороться с людьми» – носителями мещанских, обывательских, «меньшемаленьких» черт, но говорил, как важно помогать им от этих черт освободиться, а также пресекать безответственное равнодушие, чванство и злоупотребление властью, которые подрывают и веру людей в себя, жизнь.

Маленький человек – человек, страдающий от единственно не преодолемого и часто не осознаваемого им «комплекса Ионы». Призванный и рожденный быть «большим», быть человеком, он останавливается в самом начале пути. И даже если он нащупывает дорогу к самому себе, то в последний момент сворачивает, не посягая на право окружающего, фиктивного мира диктовать свои условия и правила, вопреки и несмотря на реальность, данную ему непосредственно, как опыт страдания и поиска выхода из страданий. История Ионы проанализирована в психологии в работах экзистенциалистов, осмысливших историю этого пророка, описанную в Библии. Книга пророка Ионы – одна из частей Танаха, «малых пророков» Библии. Несмотря на то, что самой истории и пророчеству в Библии совсем немного места, она включена в сборник пророческих книг Библии поскольку в ней раскрываются принципиальные аспекты представления об универсальном значении пророчества и роли пророка, а также – о том, как человек сопротивляется развитию как спасению. Пророчественно-преобразовательный смысл Книги указан в словах Иисуса (Мф.

12:40, Лк. 11:32, Библия 2015): «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной, и вот, здесь больше Ионы». Иисус Христос ниневитян примером отзывчивости на слово Божие: Богом может быть даровано спасение через покаяние всем, включая – все нации. Эта отзывчивость и готовность следовать Слову Бога – возможность развития, самоосуществления. Путь развития – един для всех – нравственное усовершенствование: раскрытие этой мысли связано с необходимостью понимания того, что Царство Мессии имеет духовный и универсальный, а не национальный и «избраннический» характер. Как показывает пример Ионы, эта идея усваивалась с большою болезненностью: понимание этого аспекта – идеи избранничества – служит камнем преткновения и пробным камнем практически для всех «истинно» верующих. Выбор «истинности» как Божьей милости, дара духовного и «истинности» как представления о собственных «достижениях» и значимости, или о том, что Бог выделил и наделил качеством «сыновности» и «значимости» лишь некоторых, – один из основных выборов нравственного совершенствования, «И произрастил Господь Бог растение, и оно поднялось над Ионою» (Ион. 4:6). Выбор Ионы в понимании А. Маслоу, – это выбор самореализации или самоуничтожения, символически отображенный как в судьбе поднявшегося над ним дерева, так и всей истории этого пророка. Это похоже на отношение А.П. Чехова. «Маленький человек А.П. Чехова может знать о своем величии и задаче, но реализовывать его и решать ее он не намерен (Чехов 1988). Во многом сходно понимание человеческой жизни, жизни маленького человека и у М.М. Зощенко, Н. Гоголя, и у В. Райха: последний описал как он с ужасом наблюдал за тем, что «маленький человек» творит над собой и своими близкими, всеми, кого он встречает в жизни, как он постоянно наслаждается и страдает от последствий своих по сути, мелких, наслаждений, как он сопротивляется, унижает и завидует людям, возносит и поддерживает своих врагов и растаптывает, предаёт друзей, как, достигнув власти, во всю злоупотребляет ею и делает как можно более жестокой, чем та, которую он сверг и как та, которая, как он опасается, может свергнуть его самого. В. Райх, как и А. Маслоу, как и А.П. Чехов и М.М. Зощенко призывают человека посмотреть на себя честно, осознать, что ответственность за свою жизнь, за тот не активизированный, скрытый и напрасно растроченный, активно проявляющийся в деструктивных формах потенциал, заложенный в сущности человека, его отношения с миром: ответственность лежит на каждом: «великий человек понимает в чем и как он является маленьким человеком, в то время, как маленький человек не только не понимает этого, но и боится понять», – пишет В. Райх. (Райх, 1997: 5). Он отмечает: «Каждый из твоих актов, подтверждающих твою незначительность и бессмысленность твоей жизни усугубляет беспросветность животного существования человечества», закрепляет рабства, которое не стирают никакие революции, но вновь и вновь подтверждают очередные концлагеря, диктатуры, травля тех, кто сумел стать «хотя бы», по выражению М.М.Зощенко «средним человеком» (Райх, 1997: 56-57):

1. выбирая между разъяснением сексуальной сути психических расстройств и теорией культурной адаптации З. Фрейда, человек избирает теорию культурной адаптации, которая оставляет его в подвешенном состоянии; выбирая между шоковой терапией и психоанализом, шок, человек избирает шокотерапию, чтобы не видеть свою собственную ничтожность и оставаться слепым там, где помочь могут только точное, полное и глубокое понимание происходящего, широта взглядов и глубина проникновения в суть;

2. выбирая между невежеством в отношении многих болезней и открытиями психологии и «неофициальной» медицины, способные спасти миллионы человеческих жизней, человек обычно избирает традиционные, убивающие и неспособные помочь; человек постоянно повторяет глупости о себе и мире, распространяя их через СМИ и книги, ни словом не обмолвившись о теориях и практиках, знаниях и умениях, способных спасти его близких и его далёких; человек страдает от голода и бездомности, но воюет с другими и держит пустыми огромное количество домов; он одет в лохмотья и нуждается в основном, но беспокоится о мире частных, повлиять на который у него нет ни возможности, ни необходимости;

3. выбирая между божественной простотой и пожизненными принудительными отношениями, люди избирают принуждение; выбирая между идеей К. Маркса о том, что ценность товара зависит только от производительности труда, и идеей государственности, он забывает о жизненной энергии своего труда и избирает идею государственности; между Г. Герингом и Г. Гиммлером и К. Либкнехтом и Э.Г. Ландау, человек выбирает тех, кто уничтожит его близких; выбирая между безжалостной инквизицией и правдой Г. Галилея, человек избирает мучить унижать великое, то, что продолжает служить человеку, в том время как он сам совершенствует инквизиторские методы борьбы с прогрессом; делая выбор между атомной и иными опасными энергиями и безопасной, полезной энергией оргона («эфирной энергии», энергии жизни, «вакуумный поток», «торсионные поля» или «энергия нулевых колебаний», ци), способной одаривать» жизненное пространство чистотой и гармонией («одарение», «gifting», места с помощью оргонитов описано К. Крофт и др.) человек избирает атомную энергию;

4. выбирая воспарить до уровня сверхчеловека с Ф. Ницше или скатиться к состоянию недочеловека с А. Гитлером, многие люди избирают путь недочеловека; выбирая между демократической конституцией В. И. Ленина и диктатурой И. Сталина – диктатуру И. Сталина; между жестокостью М. Робеспьера и величием добра Ж.Ж. Дантона, человек кладет добро на гильотину; он выбирает уничтожить нацистских вождей только после того, как они уничтожили миллионы. И так – без конца.

М.М. Зощенко, а до него А.П. Чехов, Н. Гоголь выбрали себя, и, благодаря этому выбору, оставили себя читателям.

Б. Лазаревский писал: «Туманная и страшная действительность, беспросветная серость и тоска повседневности, жуткое, кошмарное близкое прошлое – все

это гнетет безмерно...» (Лазаревский 1909: 105). Жизнь «маленького человека» – это косность и «футлярные» рамки, маскирующие стремление остановить «не вполне дозволенную» кем-то жизнь, окутать все паутиной мещанства (отчуждения, невежества и потребительства). Вместе с тем, смерть выступает как фарсовый вариант человеческой жизни, прекращение ее – физическое или «разоблачительное» открывает реальную дорогу для развития человека, который может наконец-то стать счастливым, но – не всегда прибегает и к этому способу освобождения. Он – раб, и рабом ему жить удобнее. Но большинство маленьких людей лишены и этого шанса: мистерий «мертвых душ» говорит нам о том предчувствии тотальной проданности, преданности, растоптанности, которую Н.В. Гоголь, А.П. Чехов и М. М. Зощенко переживали как духовную смерть человеческого, смерть общества, а не только смерть отдельных людей (Гоголь 2012). Эта смерть – смерть «одиночества в толпе», смерть самоуничтожения как логичного продолжения отчуждения и неподтвержденности. «Новейшей болезнью, характерной для современного общества, является болезнь одиночества... тысячи и десятки тысяч людей с одинаковыми убеждениями и взглядами на жизнь, с почти одинаковыми привычками и стремлениями, чувствуют себя, тем не менее, ни с кем не связанными, одинокими, без близких и знакомых», – писал Г. Гордон, размышляя о всплеске самоубийств (Гордон 1909). Он полагал, что одиночество создается горем и страданиями, человек замыкается в узком мире своих переживаний, мир становится для него чуждым, посторонним: отсутствие жизненной духовной энергии, необходимой для слияния с жизнью, бушующей вокруг него, – идет обезволение человека (Гордон 1909: 85–89).

Заключение. В целом же – «маленькие люди» – это мещане, обыватели, их жизнь имеет устойчивый уклад, включает исполнение сложившихся привычек: «Одинокая, деловая жизнь, не согретая ни любовью, ни дружбою, без каких то ни было нравственных связей с людьми, жизнь очерстневшего и озлобленного эгоиста, целиком построенная на какой-нибудь низменной страсти, – вот жестокий удел таких натур» (Овсяннико-Куликовский 1899: 37). Духовный распад человека в этих условиях «связан со многими факторами: это и сила времени, и самопоглощённость, и неумение человека угадать то мгновение, которое «решает всю его дальнейшую судьбу» (Катаев 1998: 13—22): «Его всегда тянуло к людям, но, благодаря своему раздражительному характеру и мнительности, он ни с кем близко не сходил и друзей не имел. О горожанах он всегда отзывался с презрением, говоря, что их грубое невежество и сонная животная жизнь кажутся ему мерзкими и отвратительными... О чем, бывало, ни заговоришь с ним, он все сводит к одному: в городе душно и скучно жить, у общества нет высших интересов, оно ведет тусклую, бессмысленную жизнь...» (Чехов 1988, VIII: 76). «Неимоверно трудно оставаться человеком, даже зная, каким ему следует быть». Даже жизнь – несколько скучная или принудительная обязанность жить и страдать, поскольку в разной мере очевидно, что ответственность за убожество и скудность жизненного мира «маленьких людей», несут сами люди, которые не хотят знать, что находится за пределами их фикций: эгоистических

интересов и невежественных представлений, за пределами долженствований и любви «по принуждению», «расчёту» или «сговору». Пытаясь побудить этих людей жить, писатель ставит их в трудные ситуации, которые дают возможность осмысления их понимания себя и мира, целей своей жизни: иметь что-то, бессмысленно копить деньги и скупать недвижимость, и набивать свое пузо и дом, пока они не лопнут, пугать всех, и себя в том числе, безукоснительным исполнением бессмысленных циркуляров и правил, ненавидеть любое проявление жизни, счастья; полное отсутствие даже попытки осмыслить свое существование приводит к тому, что человек выбирает амплуа лишённого индивидуальности и, подчас, даже имени, а не только и не столько социального статуса, недотёпы и растяпы, приспособленца или тирана, наслаждающегося собственным и чужим. унижением и пресмыкательством и холопством, если отнять у такого человека возможность тиранить и/или пресмыкаться, копить и потреблять, страдать и заставлять страдать других, то можно лишить его как смысла жизни, так и самой жизни. Понятия «человеческое достоинство», предназначения и смысла жизни для писателя – у писателя, по сути, едины и высоко значимы. Человек без них – это недочеловек, живой труп: «ах, как бы чего не вышло!». Даже смерть понимается таким человеком не как возможность предстать перед Богом, а как способ воплощения его идеала абсолютного порядка, определенности, отчужденности: маленький человек явно чувствует внутренний дискомфорт и создает внешние конфликты из-за неопределенности сложившейся ситуации, интенсивно защищая самодовольство и невежество от внешнего мира и его «сюрпризов», в том числе от любви, которая приносит не счастье, а еще большие страдания и конфликты, незащищенность и «позор»: «Ну что вы прикажете делать с человеком, который наделал массу зла, а потом рыдает?.. Прекрасно, пусть я вас не понимаю, только, пожалуйста, не рыдайте. Это противно... Посмотрите на себя в зеркало... вы уже немолодой человек, скоро будете стары, пора же наконец одуматься, отдать себе хоть какой-нибудь отчет, кто вы и что вы. Всю жизнь ничего не делать, всю жизнь эта праздная ребяческая болтовня, ломанье, кривлянье – неужели у вас у самого голова еще не закружилась и не надоело так жить? Тяжело с вами! Скучно с вами до одурения!» (Чехов 1988, XIII: 20). Если вспомнить Библию, это совершенно не удивительно: Ионе скучно и с самим собой, он просит Бога о смерти, раздосадованный не неуспехом – своим и ниневитян, но тем, что все же все-таки вышло. Оказывается, жизнь «разрешена вполне».

References:

- Azadovsky M.K. „Sources of Pushkin’s Fairy Tales“. *The Provisional of the Pushkin Commission*. Moscow, Leningrad, 1936: 134-163 (Азадовский М.К. „Источники сказок Пушкина. Временник Пушкинской комиссии“. Москва, Ленинград, 1936: 134–163).
- Akutagawa R. „Bataova porridge“. In: Akutagawa R. *Selected works*. St. Petersburg: Hyperion; 2002. (Акутагава Р. „Батоговая каша“. В: Акутагава Р. Избранные произведения. СПб.: Гиперион; 2002).

- Aronov A.Ya. „*Favorites*“. Foreword by A. Minkin. Moscow: Publishing House “Moskovsky Komsomlets”, 2014 (Аронов А.Я. Избранное“.. Предисловие А. Минкина. Москва: ИД «Московский Комсомолец», 2014)
- Bakhtin, M. M. „*Estetika slovesnogo tvorchestva*“. S. G. Bocharov; note. S. S. Averintsev and S.G. Bocharov. Moscow: Iskusstvo, 1979. (Бахтин М. М. „Эстетика словесного творчества“. Сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. Москва: Искусство, 1979.)
- Belinsky V.G. „Woe from Wit. The composition of A. S. Griboedov. Belinsky, V.G. *Complete Works of V.G. Belinsky in 12 volumes. St. Petersburg: Type. M. M. Stasyulevich, 1900-1948. T. 4: “The Moscow Observer” 1838-1839., “Literary addition to the” Russian invalid “and” Notes of the Fatherland “in 1840.* Edited and with the comment of S. A. Vengerov . St. Petersburg: Type M. Stasyulevich, 1901, VIII: 292-330.(Белинский В.Г. Горе от ума. Сочинение А. С. Грибоедова. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений В. Г. Белинского: в 12 т. С.-Пб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900-1948. Т. 4: «Московский наблюдатель» 1838-1839 г., «Литературное прибавление к «Русскому инвалиду» и «Отечественные записки» 1840 г. Под ред. и с прим. С. А. Венгерова. С.-Пб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. VIII: 292-330.)
- Block A.A. „*Coll. Works: In the 8th century*“. Leningrad: Fiction, 1962, 5: 67. (Блок А.А. „Собр. сочинений: В 8 т. М.; Л.: Художественная литература, 1962, 5: 67).
- Bushashkets L.E. „A.P. Chekhov is a writer of the Russian Apocalypse? “ *Social sciences and modernity.* 2010, 4: 162-172 (Бушканец Л.Е. „А.П. Чехов писатель русского Апокалипсиса?“ *Общественные науки и современность.* 2010, 4: 162-172).
- Gogol N.V. „*Small collected works*“. St. Petersburg: The Azbuka, 2012 (Гоголь Н.В. „Малое собрание сочинений“. Санкт-Петербург: Азбука, 2012).
- Gordon G. „About lonely“. *New magazine for all.* St. Petersburg, 1909, 7, May: 85-89 (Гордон Г. „Об одиноких. Новый журнал для всех. СПб., 1909, 7, May: 85-89).
- Griboyedov A.S., Fomichev S.A., Gershenzon M.O. „*Woe from Wit. Comedy by A. S. Griboedov “Woe from Wit”. A comment. Griboedov’s Moscow.* St. Petersburg: Art-SPB, 2008 (Грибоедов А.С., Фомичев С.А., Гершензон М. О. Горе от ума. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». Комментарий. Грибоедовская Москва. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2008).
- Dostoevsky F.M. „Letters. 98. M. N. Katkov. 10 (22) -15 (27) September 1865. Wiesbaden“. F.M. Dostoevsky. *Collection of works in 15 toms* . St. Petersburg: Science, 1996, 15: 273-276. (Достоевский Ф.М. „Письма. 98. М. Н. Каткову. 10(22)—15(27) сентября 1865. Висбаден. Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 т. СПб.: Наука, 1996, 15: 273-276.)
- Dostoevsky F.M. „*Collected Works: In 20 toms*“. Introd. A. A. Kirpichnikova: 5-26. 1: Poor people; White Nights; Netochka Nezvanova. Moscow: Terra, 1998; 3: Notes from a dead house; Player: From the notes of the young man. Notes. I. Yakubovich et al. Moscow: Terra, 1998; 4: Humiliated and insulted; Stories. Notes. A. Arkhipova et al. Moscow: Terra, 1998; 5: Petersburg dreams in verse and prose; Crime and Punishment: Ch. 1-4. Note. ID Yakubovich et al. Moscow: Terra, 1998; 6: Crime and Punishment. Note. L. Opulskaaya and others .. Moscow: Terra, 1998.(Достоевский Ф.М. „Собрание сочинений: В 20 т. “ Вступ. ст. А. Кирпичникова: 5-26. 1: Бедные люди; Белые ночи; Неточка Незванова. Москва: Терра, 1998; 3: Записки из мертвого дома; Игрок: Из записок молодого человека. Примеч. И. Якубович и др.. Москва: Терра, 1998; 4: Униженные и оскорбленные; Рассказы. Примеч. А. Архиповой и др..

- Москва: Терра, 1998; 5: Петербургские сновидения в стихах и прозе; Преступление и наказание: 1-4. Примеч. И. Д. Якубович и др. Москва: Терра, 1998; 6: Преступление и наказание: 5-6; Зимние заметки о летних впечатлениях; Вечный муж. Примеч. Л. Опульской и др.. Москва: Терра, 1998).
- Dobrolyubov N.A. „*Hammered people: Humiliated and insulted: Criticism of the novel by F.M. Dostoevsky*“. St. Petersburg, The activist, 1911; Hammered people. After. and notes A. N. Dmitrieva. Moscow: Goslitizdat, 1957. (Добролюбов Н.А. „Забитые люди: Униженные и оскорбленные: Критика романа Ф.М. Достоевского. С.-Пб.: Деятель, 1911.; Забитые люди. Послесл. и примеч. А. Н. Дмитриевой. Москва: Гослитиздат, 1957).
- Zoshchenko M.M. „*Collected Works: In 6 volumes*“. Leningrad; Moscow, Surf Goslitizdat, 1929-1932: 1-6. (Зошенко М.М. „Собрание сочинений: В 6 т. “ Л.; М., Прибой Гослитиздат, 1929–1932: 1-6).
- Ignatov I. „Readers of Chekhov“. *Russian news*. St. Petersburg, 1914, 151, 2 July: 56-67 (Игнатов И. „Читатели Чехова“. Русские ведомости. СПб., 1914 151, 2: 56-67)
- Ilf I., Petrov E. „*Golden calf*“. Moscow: The Book, 1989. (Ильф И., Петров Е. Золотой телёнок. Москва: Книга, 1989).
- Karamzin N.M. „Poor Lisa“. In: *Selected works. In 2 volumes*“. Moscow Leningrad: Fiction, 1964, I. Letters of the Russian Traveler. The story: 605-621. (Карамзин Н. М. „Бедная Лиза“. Избранные сочинения в двух томах. Москва Ленинград: Художественная литература, 1964, I. Письма Русского Путешественника. Повести: 605—621).
- Kataev V.B. „*The complexity of simplicity. Stories and plays of Chekhov*“. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1998. (Катаев В. Б. „Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова“. Москва: Издательство МГУ, 1998).
- Kristeva Yu. „The Destruction of Poetics“. *Bulletin of the Moscow State University. Philology*. 1994, 5: 44-62 (Кристева Ю. „Разрушение поэтики“// Вестник МГУ. Филология. 1994, 5: 44-62)
- Kuzmina-Karavaeva E.Yu. „Dostoevsky and the present. E. Skobtsova. Paris: Ymca press, 1929. (Кузьмина-Караваева Е.Ю. „Достоевский и современность. Е. Скобцова. Paris: Ymca press, 1929).
- Lazarevsky B. „Letters on art. *A new magazine for all*“. St. Petersburg, 1909, 11. Сентябрь:105-114 (Лазаревский Б. „Письма об искусстве“. Новый журнал для всех. 1909, 11. Сентябрь:105-114).
- Maikov V.N. „*Literary criticism. Articles. Reviews*“. Comp., prep. text, and note. Yu. S. Sorokin. Leningrad: The artist. Lit. Leningrad. Department, 1985 (Майков В.Н. Литературная критика. Статьи. Рецензии“. Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Ю. С. Сорокина. Ленинград: Худож. лит: Ленингр. отделение, 1985)
- Maikov V.N. „Something about Russian literature in 1846“. *Russian aesthetics and criticism 40-50-ies of the XIX century*. Prep. text, status, entry. article and note. V.K. Kantor and A.L. Ospovat. Moscow: Art, 1982: 81-106. (Майков В.Н. „Нечто о русской литературе в 1846 году“. Русская эстетика и критика 40--50-х годов XIX века. Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. Москва: Искусство, 1982: 81-106.)
- Nabokov V. „Nikolay Gogol“. In: Nabokov V. *Lectures on Russian Literature: Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgenev*. Prev. I. Tolstoy. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1996. (Набоков В. „Николай Гоголь“. В: Набоков В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. Пред. И. Толстого. Москва: Независимая газета, 199).
- Nedzvetsky V.A. „From Pushkin to Chekhov“. Moscow: MSU, 2002. (Недзвецкий В.А. „От Пушкина

- к Чехову“ . Москва: МГУ, 2002.).
- Nemirovich-Danchenko V.I. „Foreword “From the Editor”. N.E. Efros *“Three Sisters” staged by the Moscow Art Theater*. Petrograd, Art publishing house “Svetozar”, 1919.(Немирович-Данченко В. И., „Предисловие «От редактора»“ . Н.Е.Эфрос «Три сестры» в постановке Московского художественного театра. Петроград, Художественное издательство «Светозар», 1919)..
- Ovsyaniko-Kulikovsky D.N. Our writers“. *Journal for all*. 1899, 2/3: 34-38. (Овсяннико-Куликовский Д. Н. „Наши писатели“ . Журнал для всех. 1899, 2/3: 34-38).
- Pushkin A.S. *The story of the late I.P. Belkin*. Moscow: Classical Alphabet, 2008 (Пушкин А.С. „Повести покойного И.П. Белкина“ . Москва: Азбука-классика, 2008). .
- Reich V. *„Look at yourself, little man* Moscow: Gestalt House, 1997. (Райх В. „Посмотри на себя, маленький человек“ . Москва: Дом гештальта, 1997).
- Smirnov I.P. „Evolution of monstrosity (Mamleev et al.). *New Literature. review*. 1991, 3: 305. (Смирнов И.П. „Эволюция чудовищности (Мамлеев и др.)“ . Новое лит. обозрение. 1991, 3: 305.).
- Starkov A. N. *„Mikhail Zoshchenko: the fate of the artist“*. Moscow: Sov.pisatel, 1990 (Старков А. Н. Михаил Зощенко: судьба художника. Москва: Сов. писатель, 1990).
- Fridlander G.M. *„Dostoevsky and world literature“*. Moscow: Khudozh. lit., 1979: 6-118 (Фридлендер Г.М. Достоевский и мировая литература“ . Москва: Худож. лит., 1979: 6-118).
- Chekhov A.P. *„Complete works and letters in 30 volumes“*. Moscow: Nauka, 1974 1988 (Чехов А.П. „Полное собрание сочинений и писем в 30 т.“ Москва: Наука, 1974 1988).
- Chulkov G. „Notes to the words of Anton Krainy about Chekhov (Literary Chronicle)“ . *New way*. St. Petersburg, 1904, May: 267-268 (Чулков Г. „Примечания к словам Антона Крайнего о Чехове (Литературная хроника)“ . Новый путь. СПб., 1904, май: 267—268).
- Shklovsky V.V. *„Selected: In 2 volumes“*. Moscow: Art. Lit., 1983, 1. The story of prose. Reflections and analysis. Moscow: Khudozh. lit., 1983 (Шкловский В.В. „Избранное: В 2- томах“ Москва: Худож. лит., 1983, 1. Повести о прозе. Размышления и разборы. Москва: Худож. лит., 1983).
- Shklovsky V.V. *„Pros and cons. Notes on F. Dostoevsky“*. Moscow: Soviet Writer, 1957. (Шкловский В.В. „За и против. Заметки о Ф. Достоевском“ . Москва: Советский писатель, 1957).
- Belinsky V.G. *„Collected Works. Works: In 9 volumes“* . Moscow: Fiction, 1982, 8 (Белинский В. Г. „Собр. соч.: В 9 т. Москва: Художественная литература, 1982, 8)
- Merezhkovsky D.S. *„Eternal satellites: Portraits from the World Literature“*. S.-Pb .: Classical alphabet, 2012 (Мережковский Д.С. „Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы“ . С.-Пб.: Азбука-классика, 2012).

M. R. Arpentieva
(Russian Federation)

A ‘Small People’ in Russian Literature

Summary

Key words: portrait, character, «little man», short story.

The purpose of the article is to analyze the images of a small man in Russian literature. The article deals with the portrait of the “little man”, formed in the tradition of Russian literature in the XIX-XX centuries. “Encyclopedia” of the life of a small man started by A.S. Pushkin, F.M. Dostoevskiy, N.V. Gogol, M.E. Saltykov-Shchedrin, A.P. Chekhov, M.M. Zoshchenko, M. Gorkiy, L. Andreev, F. Sologub, A. Averchenko, K. Treenev, I. Shmelev, S. Yushkevich and other well-known writers. In their works, these and other authors often describe heroes, which can be classed as a “small man.” There are many traits in this encyclopedia, among which one of the most important is internal and external alienation, splitting, unrealisation. The main thematic features of this image are most often: 1) low, disastrous, subordinate social position; 2) suffering that does not come from its malice or guilt, but from weakness and error; 3) the severely expressed defectiveness of the individual, down to poverty and underdevelopment, or, on the contrary, very high development; 4) acuity of life experiences; 5) finally, the realization of oneself as a “small man” and the desire to assert their right to life in this capacity, but often with a dream only of facilitating life (one’s own and others); 6) turning to God as the only source of justice and equality: only before God are all equal. For a small person usually all this complex of features is typical, the description of only some of the list is not enough for the theme of “a small man.” However, the presence of these signs does not make little people in different works and for different authors the same: the image of each of them reveals the different sides of the problem. At the same time “a small man M. Zoshchenko, A. P. Chekhov and N. Gogol and F. Dostoevskiy in many respects are similar to each other. Their description is distinguished by its varied irony, deep psychologism, elegance of linguistic and plot means. “Little people” are burgesses, philistines, their lives have a stable way, including the fulfillment of established habits. Their lonely, businesslike or dreamy life, not warmed by either love or friendship, without any kind of moral ties with people, the life of a hardened and embittered egoist, wholly built on one single desire. The small man is the stage of the spiritual decay of man, which is connected with many factors: these are the features of the place and time of life and trauma, and self-absorption, and the absorption of the social world and its illusions, and the inability of man to make the right choice and act correctly, to guess the moment that decides his entire future destiny. This ignorance and lack of interest in yourself and the world feel the dullness and meaninglessness of life. Even life is a boring or compulsory duty to live and suffer, as it is evident to varying de-

grees that the responsibility for the squalor and scarcity of the life world of “little people” is borne by people who do not want to know what is beyond their fictions (selfish interests and ignorant people representations, beyond obligations and love “by coercion,” “calculation,” or “collusion”). Trying to induce these people to live, Russian writers put them in difficult situations that make it possible to comprehend their understanding of themselves and the world, the goals of their lives: to have something, it is pointless to save money and buy real estate, frighten everyone, including yourself, the execution of senseless circulars and rules, to hate any manifestation of life, of happiness; the complete lack of even an attempt to comprehend one’s existence leads to the fact that a person chooses the role of a person who lacks individuality, and sometimes even a name, and not only and not so much a social status, a slob and a stretch, an opportunist or a tyrant enjoying his own and others. humiliation and groveling and servility, if you deprive such a person of tyranny and / or crawling, saving and consuming, suffering and making others suffer, you can deprive him of both the meaning of life and life itself. The concepts of “human dignity,” the purpose and meaning of life for Russian writers are largely similar and highly significant. A man without them is a subhuman, a living corpse: “oh, how could it not have happened!”. Even death is understood by such a person not as an opportunity to appear before God, but as a way of embodying his ideal of absolute order, certainty, alienation: a small person clearly feels internal discomfort and creates external conflicts because of the uncertainty of the situation, intensively defending smugness and ignorance from the outside world and his “surprises,” including love, which brings not happiness, but even greater suffering and conflict, insecurity and “shame.” Such a person is bored and with himself, he often asks God for death, annoyed not by failure, when it turns out, life is “completely allowed.”

მარიამ არპენტიევა
(რუსეთი)

„პატარა ადამიანები“ რუსულ ლიტერატურაში

რეზიუმე

საკვანძო სიტყვები: პორტრეტი, პერსონაჟი, „პატარა ადამიანი“, მოთხრობა.

სტატიის მიზანია „პატარა ადამიანის“ სახეების ანალიზი რუსულ ლიტერატურაში. მასში განხილულია XIX-XX საუკუნეების რუსული ლიტერატურის ტრადიციებით ჩამოყალიბებული „პატარა ადამიანის“ პორტრეტი.

„პატარა ადამიანის“ ცხოვრების „ენციკლოპედიის“ შექმნა ალ. პუშკინის, ფ. დოსტოევსკის, ნ. გოგლის, მ. სალტიკოვ-შჩედრინის, ა. ჩეხოვის, მ. ზოშჩენკოს, მ. გორკის, ლ. ანდრეევის, ფ. სოლოგუბის, ა. ავერჩენკოს, კ. ტრენე-

ვის, ი. შმელევის, ს. იუშკევიჩის და სხვა სახელგანთქმული რუსი მწერლების მიერ არის დაწყებული. საკუთარ ნაწარმოებებში, ზემოთჩამოთვლილი და სხვა მწერლები, ხშირად აღწერენ გმირებს, რომლებიც „პატარა ადამიანებს“ შეიძლება მივაკუთვნოთ. ამ ენციკლოპედიაში ბევრი თვისებაა ჩამოთვლილი, მათ შორის, უმთავრესია შინაგანი და გარეგანი გაუცხოვება, გახლეჩვა, არარეალიზებულობა. „პატარა ადამიანის“ მთავარ თემატურ ნიშნებს ყველაზე ხშირად წარმოადგენს: 1) დაბალი სოციალური მდგომარეობა, სიღარიბე, სხვისი ხელქვეითობა; 2) ტანჯვა, რომელიც გამოწვეულია არა საკუთარი ბოროტი ზრახვებით ან დანაშაულით, არამედ სისუსტითა და შეცდომებით; 3) სხვადასხვა დოზით გამოხატული პიროვნული დეფექტი, სილატაკის, ხეობრობისა და განვითარების ჩამორჩენილობის ან სულაც ზედმეტად განვითარებულობის სახით; 4) ცხოვრებისეული განცდების სიმწვავე; 5) დაბოლოს, საკუთარი თავის „პატარა ადამიანად“ აღქმა და სწრაფვა, დაამტკიცოს სიცოცხლეზე საკუთარი უფლება სწორედ „პატარა ადამიანის“ რანგში; არცთუ იშვიათად, ოცნება ცხოვრების (როგორც საკუთარის, ისე სხვების) სულ ოდნავ შემსუბუქებაზე; 6) ღმერთის, როგორც სამართლიანობისა და თანასწორობის ერთადერთი წყაროსადმი მიმართვა: მხოლოდ ღმერთის წინაშეა ყველა თანასწორი.

ამ ტიპის პერსონაჟისათვის დამახასიათებელია ერთდროულად, ყველა ეს ნიშან-თვისება. ჩამოთვლილთაგან მხოლოდ რამდენიმეს აღწერა „პატარა ადამიანის“ თემისთვის საკმარისი არ არის.

ზემოთდასახელებულ ნიშან-თვისებათა ერთობლიობა სხვადასხვა ავტორთა ნაწარმოებებში აღწერილ „პატარა ადამიანებს“ ერთგვაროვნად როდი აქცევს. თითოეული მათგანის ხასიათი პრობლემის სხვადასხვა ნახნაგს ხსნის. ამასთან, ზოშიჩენკოს, ჩეხოვის, გოგოლის, დოსტოევსკის და ბევრი სხვა მწერლის „პატარა ადამიანებს“ ბევრი რამ აქვთ საერთო. მათი აღწერა გამოირჩევა მრავალდონიანი ირონიზებით, ღრმა ფსიქოლოგიზმით, ენისა და სიუჟეტური საშუალებების ელევანტურობით. „პატარა ადამიანები“ მეშჩანები, ობივატელები არიან, მათ ცხოვრების სტაბილური წესი აქვთ, ერთხელ და სამუდამოდ დადგენილი ჩვევების რუტინის ჩათვლით.

მათ მარტოსულ, საქმიან თუ მეოცნებე ყოფას არც სიყვარული ათბობს და არც მეგობრობა, ადამიანებთან არანაირი ზნეობრივი კავშირები არ გააჩნიათ. ესაა მთლიანად ერთ კონკრეტულ სურვილზე კონცენტრირებული გულქვა, გაბოროტებული ეგოისტის ცხოვრება. „პატარა ადამიანი“ პიროვნების სულიერი დაცემის გარკვეული საფეხურია, რაც არაერთ ფაქტორთანაა დაკავშირებული: საცხოვრებელი ადგილისა და ეპოქის, ტრამვების თავისებურება, საკუთარ თავში ან სოციალურ სამყაროსა და მის ილუზიებში შთანთქმა, ადამიანის მიერ სწორი არჩევანის გაკეთების, სწორი ქცევის უუნარობა, იმ მომენტის გამოცნობის შუძლებლობა, რომელიც მთელ მის მომავალ ბედისწერას განსაზღვრავს. ესაა უმეცრება, საკუთარი თავისა თუ სამყაროსადმი ინტერესის უქონლობა, ცხოვრების უფერულობისა და უაზრობის განცდა. ცხოვრება

მათთვის მოსაწყენი და იძულებითი მოვალეობაა - იცხოვრონ და იტანჯონ, რადგან, სხვადასხვა დოზით, აშკარად ჩანს, რომ პასუხისმგებლობა „პატარა ადამიანების“ უზადრუკობასა და სილატაკეზე, თავად ამ ადამიანებს აკისრიათ, რომლებსაც არ სურთ იცოდნენ, რა ხდება მათი ეგოისტური ინტერესებისა და უმეცარი წარმოდგენების, ვალდებულებების, „იძულებითი“ , „ანგარებიანი“ ან „შეთანხმებული“ სიყვარულის საზღვრებს მიღმა. რუსი მწერლები, რომლებიც ცდილობენ ამ ადამიანებს სიცოცხლის სურვილი გაუღვიძონ, ამისათვის მათ რთულ მდგომარეობაში აყენებენ, რითაც საშუალებას აძლევენ, გაიაზრონ, როგორია საკუთარი თავისა და გარემომცველი სამყაროს მათეული აღქმა, ცხოვრებისეული მიზნები: ფულის და უძრავი ქონების უაზრო დაგროვება, ირგვლივ ყველას და მათ შორის, საკუთარი თავის მუდმივ შიშში ყოლა, უაზრო ცირკულარებისა და წესების განუხრელი შესრულება, ცხოვრებისა და სიყვარულის ნებისმიერი გამოვლენისადმი სიძულვილი; უარყოფა საკუთარი არსებობის გააზრების მცდელობისა ცი, რასაც იმ ზომამდე მიჰყავს, რომ ასეთი ადამიანი ირჩევს ინდივიდუალობას მოკლებულის ამპლუას, ხშირად სახელის არქონასაც კი, არაიმდენად დოყლაპიასა და ბოთეს, არამედ სიტუაციაზე მორგებულის ან ტირანის, საკუთარი თავითა და უცხოთი მტკობელის სოციალურ სტატუსს. დამცირებით, მლიქვნელობითა და ყურმოჭრილი მორჩილებით, თუ ასეთ ადამიანს წავართმევთ ტირანიის / მლიქვნელობის, დაგროვებისა და მოხმარების, ტანჯვისა და სხვებისთვის სატანჯველის მიყენების საშუალებას, ამით შეგვიძლია მათ ცხოვრების აზრი ან თავად ცხოვრებაც კი წავართვათ.

„ადამიანური ღირსების“, ადამიანის დანიშნულებისა და ცხოვრების გაგება რუსი მწერლებისათვის ბევრნილად ემთხვევა ერთმანეთს და უმაღლეს ღირებულებასაც წარმოადგენს. ამათ გარეშე, ადამიანი კარგავს ადამიანობას, ის ცოცხალი ლეშია: „ვაითუ, რაღაც ისე არ გამოვიდეს!“ ასეთი ადამიანის მიერ სიკვდილიც კი, აღიქმება არა როგორც ღმერთის წინაშე წარდგომის შესაძლებლობა, არამედ აბსოლუტური წესრიგის, გარკვეულობის, გაუცხოების მისეული იდეალის განხორციელება. „პატარა ადამიანი“ აშკარად გრძნობს შინაგან დისკომფორტს და შექმნილი სიტუაციის გაურკვეველობის გამო, გარეგან კონფლიქტს ქმნის, ინტენსიურად იცავს საკუთარ უმეცრებასა და თვითკმაცყოფილებას გარესამყაროსა და მისი „სიურპრიზებისაგან“, მათ შორის სიყვარულისგანაც, რომელსაც ბედნიერება კი არა, კიდევ უფრო მეტი ტანჯვა და წინააღმდეგობები, დაუცველობის შეგრძნება და „სირცხვილი“ მოაქვს. ასეთი ადამიანი, თავისთავად, მონყენილია, ის ღმერთს ხშირად სთხოვს სიკვდილს არა წარუმატებლობით გულმოკლული, არამედ მაშინ, როდესაც ცხოვრება „სრულიად აწყობილი“ აქვს.